

«Беллероза»



Лу

Колдовство, касаясь человека, всегда оставляет след. Большинство людей прежде всего замечают запах: не зловоние гниения и разложения, скорее приторную сладость в ноздрях, острый привкус на языке. Очень немногие чувствуют дрожь в воздухе. Незримый ореол на коже мертвеца. Слово само колдовство все еще рядом, наблюдает и выжидает.

Как живое.

Разумеется, всякий, кому достанет глупости сказать об этом, оказывается на костре.

За год по всей Бельтерре нашли тринадцать тел — по сравнению с прошлыми годами число возросло более чем вдвое. Церковь всеми силами скрывала таинственные обстоятельства каждой из смертей. Известно, что хоронили всех мертвецов в закрытых гробах.

— Вот он. — Коко указала на полного господина в углу. Половину его лица скрывала тень, но плащ из золотой парчи и тяжелый медальон с гербом на шее говорили сами за себя. Прямо на нем повисла полуголая девица, а сам он сидел в кресле неподвижно — ему явно было неудобно. Я не удержалась от усмешки.

Только мадам Лабелль могла оставить такого знатного господина, как Пьер Трамблэ, дожидаться ее в недрах борделя.

— Пойдем. — Коко поманила меня к столу в противоположном углу. — Бабетта должна скоро прийти.

— Каким надменным ослом нужно быть, чтобы надеть золотую парчу в траур? — спросила я.

Коко покосилась на Трамбле и ухмыльнулась.

— Богатым.

Филиппу, дочь Трамбле, нашли седьмой.

Светское общество было потрясено, когда она исчезла среди ночи, а затем появилась вновь — с перерезанным горлом, на берегу Лё-Меланколик. Но хуже всего оказалось даже не это. По королевству поползли слухи о седых волосах Филиппы, о ее сморщенной коже, мутных глазах и скрюченных пальцах. Бедняжку превратили в дряхлую старуху всего в двадцать четыре года. Никто из окружения Трамбле не понимал, как это могло произойти. Кажется, у Филиппы не было врагов, у которых могли бы найтись причины мстить ей так жестоко.

Однако у ее отца за годы торговли колдовскими артефактами их набралось немало.

Смерть дочери служила ему предупреждением — никому не позволено безнаказанно наживаться на ведьмах.

— Bonjour, messieurs*. — Куртизанка с волосами медового цвета приблизилась к нам, с надеждой порхая ресницами. Я фыркнула, заметив, каким бесстыдным взглядом она одарила Коко. Даже переодетая мужчиной, Коко была удивительно красива. И хоть темную кожу ее рук усеивали шрамы, скрытые под перчатками, лицо Коко оставалось гладким, а черные глаза искрились в полутьме. — Могу ли я соблазнить вас своим обществом?

— Прости, дорогая, — проговорила я самым ележным голосом и похлопала куртизанку по руке — я видела, как другие мужчины так делают. — Но этим утром мы будем заняты. Вскоре к нам должна присоединиться мадемуазель Бабетта.

Грустила куртизанка недолго — мгновение спустя она уже шла к нашему соседу, который с большой охотой принял ее предложение.

— Думаешь, оно у него при себе? — Коко пристально оглядела Трамбле — от лысой макушки до носков лакированных ботинок. Ее взгляд задержался на его пальцах — никаких украшений на них не было. — Бабетта могла и обмануть нас. Все это может оказаться ловушкой.

* Доброе утро, господа (фр.).

— Бабетта, возможно, и врунья, но уж никак не дура. Она не сдаст нас раньше, чем мы ей заплатим. — Я наблюдала за прочими куртизанками с мрачным восхищением. Их талии были крепко перетянуты, груди так и вываливались за край выреза, но, казалось, корсеты вовсе не душат их медленно и мучительно — так бодро они плясали вокруг гостей.

Справедливости ради, многие из них и не надели корсеты. А то и вообще не надели ничего.

— Это верно. — Коко вытащила из-под плаща мешочек с монетами и бросила на стол. — Она сдаст нас сразу после.

— Ах, топ апоиг*, мне больно это слышать. — Бабетта возникла рядом с нами и с улыбкой щелкнула по краю моей шляпы. В отличие от прочих куртизанок, почти всю бледную кожу она прятала под багряным шелком. Толстый слой белил скрывал все остальное — в том числе шрамы. Они змеились по ее рукам и груди тем же узором, что и у Коко. — А еще за десять золотых крон я даже и *не подумаю* о том, чтобы предать вас.

— Доброе утро, Бабетта. — Хмыкнув, я забросила ногу на стол и откинулась назад, качнувшись на задних ножках стула. — Знаешь, ты удивительным образом всегда появляешься почти мгновенно, стоит нам достать деньги. Ты что, их чуешь? — Я обернулась к Коко, которая скривила губы, пытаясь удержаться от улыбки. — Она как будто их чувствует, в самом деле.

* Душечка (фр.).

— Bonjour*, Луиза. — Бабетта поцеловала меня в щеку, а затем наклонилась к Коко и понизила голос. — Козетта, ты, как и всегда, обворожительна.

Коко закатила глаза.

— Ты опоздала.

— Приношу свои извинения. — Бабетта склонила голову, приторно улыбнувшись. — Но я вас не узнала. Мне никогда не понять, к чему таким красавицам наряжаться мужчинами...

— Женщины без сопровождения привлекают слишком много внимания. Ты и сама это знаешь. — Я делано-небрежно побарабанила пальцами по столешнице и насилу улыбнулась. — Любая из нас может оказаться ведьмой.

— Что за вздор! — Бабетта заговорщически подмигнула мне. — Лишь глупец примет двух таких очаровательных дам, как вы, за этих гнусных, жестоких созданий.

— Разумеется. — Я кивнула и натянула шляпу еще ниже. Шрамы Коко и Бабетты выдавали их истинную сущность, но Dames Blanches — Белые дамы — в отличие от них могли показываться на людях без опаски. Вон та женщина с красновато-коричневой кожей, повисшая на Трамбле, запросто может оказаться одной из нас. Или медоволосая куртизанка, которая только что ушла наверх. — Однако Церкви свойственно первым делом обращаться к огню. И лишь потом задавать вопросы. В наше время женщиной быть опасно.

* Здравствуй (фр.).

— Не здесь. — Бабетта широко распростерла руки, изогнув уголки губ в усмешке. — Здесь нам ничто не грозит. Здесь нас холят и лелеют. Предложение моей госпожи все еще в силе...

— Твоя госпожа сожгла бы тебя заживо — да и нас заодно, — если бы узнала правду. — Я снова обратила внимание на Трамбле, чье очевидное богатство привлекло к его персоне еще двух куртизанок. Он вежливо пресек их попытки расстегнуть ему штаны. — Нам нужен он.

Коко перевернула мешочек с монетами на столе.

— Десять золотых крон, как обещано.

Бабетта приняухалась и вздернула нос.

— Хм-м... помнится, речь шла о двадцати.

— Что? — Мой стул с грохотом встал на все четыре ножки. Посетители борделя стали коситься на нас, но я даже не взглянула на них. — Мы договаривались на *десять*.

— Это было до того, как вы меня обидели.

— Черт подери, Бабетта. — Коко схватила наше золото прежде, чем Бабетта успела его коснуться. — Ты хоть представляешь, сколько времени нужно, чтобы скопить столько денег?

— Мы даже не знаем, у Трамбле ли это кольцо, — проговорила я, очень стараясь не повышать тон.

Бабетта только дернула плечами и протянула ладонь.

— Я не виновата, что вы предпочитаете резать кошельки на улицах, как простые воришки. Здесь,

в «Беллерозе», вы за одну ночь заработали бы втрое больше, но нет, вам ведь гордость не позволяет.

Коко глубоко вздохнула и сжала кулаки.

— Слушай, прости, что мы ранили твои нежные чувства, но уговор был на десять. Мы не можем себе позволить...

— Я слышу, как у тебя в кармане звенят монеты, Козетта.

Я неверяще уставилась на Бабетту.

— Да ты и впрямь чертова ищейка.

Она сверкнула глазами.

— Полно, я ведь рискую собой, приглашая вас сюда подслушать разговоры моей госпожи с мсье Трамбле, а вы в ответ оскорбляете меня, будто...

В этот самый миг по лестнице спустилась высокая женщина средних лет. Ярко-изумрудное платье подчеркивало ее огненные волосы и осиную талию. При виде нее Трамбле вскочил, а куртизанки, в том числе Бабетта, почтительно раскланялись.

Было довольно странно наблюдать, как обнаженные женщины делают реверансы.

С широкой улыбкой взявшись за руки Трамбле, мадам Лабелль расцеловала его в обе щеки и промурлыкала нечто, чего я не расслышала. Когда она взяла его под руку и повела к лестнице, меня охватила паника.

Краем глаза Бабетта наблюдала за нами.

— Решайте поскорей, *mes amours*. Моя госпожа — дама занятая, и свои дела с мсье Трамбле она обсудит быстро.

Я свирепо уставилась на Бабетту, борясь с желанием схватить ее за красивую шейку и сдавить покрепче.

— Ты можешь хотя бы сказать нам, что именно покупает твоя госпожа? Она ведь должна была рассказать тебе *хоть что-то*. Это кольцо? Оно у Трамбле?

Бабетта самодовольно усмехнулась.

— Возможно... Но сначала — еще десять крон.

Мы с Коко мрачно переглянулись. Если Бабетта продолжит в том же духе, очень скоро она узнает, насколько *гнуемыми и жестокими* мы можем быть.

Для развлечения гостей в «Беллерозе» было выделено двенадцать роскошных комнат, но Бабетта не стала вести нас туда. Вместо этого она открыла тринадцатую дверь без номера в конце коридора и поманила нас внутрь.

— Добро пожаловать, *mes amours*: перед вами глаза и уши «Беллерозы».

Я поморгала и подождала, пока глаза привыкнут к темноте. Мы оказались в другом, не таком широком коридоре. Вдоль одной из стен через равные промежутки тянулись двенадцать окон — прямоугольных и больших. Сквозь них в коридор просачивался тусклый свет. Однако, взглянув поближе, я поняла, что это вовсе не окна, а портреты.

Ближе всего к нам был портрет прекрасной дамы с роскошными формами и соблазнительной улыбкой. Я провела пальцем по ее носу.

— Кто это на картинах?

— Прославленные куртизанки прошлых лет. — Бабетта остановилась, чтобы полюбоваться дамой. На лице ее проступила мечтательная задумчивость. — Когда-нибудь на этом месте будет мой портрет.

Я нахмурилась и повнимательнее оглядела как будто бы зеркально отраженное изображение, нарисованное блеклыми красками, — как если бы это была не лицевая, а обратная сторона портрета. И... черт возьми: глаза женщины прикрывали две золотые затворки.

— Это что, смотровые глазки? — неверяще спросила Коко, придвигаясь ближе. — Что за мракобесие здесь творится, Бабетта?

— Тише! — Бабетта быстро прижала палец к губам. — Глаза и уши, помните? Уши! Здесь нужно говорить только шепотом.

Я не хотела даже представлять, зачем нужно подобное архитектурное приспособление. Но зато с удовольствием вообразила, как после всего этого вернусь домой, в театр, и буду очень долго отмываться. Тереть, тереть и еще раз тереть. Оставалось только надеяться, что я напроць не сотру себе глаза.

Выразить свое отвращение я не успела, потому что краем глаза заметила в стороне движение. Я резко обернулась, потянувшись к ножу, который прятала в сапоге, но тут увидела, кто передо мной. И застыла под плотоядным взглядом двух до ужаса знакомых и до ужаса неприятных мужчин.

Андрé и Грю.

Я свирепо уставилась на Бабетту, все еще сжимающая в кулаке нож.

— А они здесь зачем?

Услышав мой голос, Андре наклонился ближе и медленно заморгал, присматриваясь ко мне в темноте.

— Неужто это?..

Грю впился взглядом в мое лицо. На усы он внимания не обратил и вместо этого вгляделся в темные брови, бирюзовые глаза, веснушчатый нос и загорелую кожу. А затем злобно ухмыльнулся. Передний зуб у него был надколот. И желт.

— Ну привет, Лу-Лу.

Я смерила Бабетту красноречивым взглядом.

— Мы так не договаривались.

— Ох, Луиза, угомонись. Они на работе. — Бабетта уселась на один из деревянных стульев, с которых только что встали Андре и Грю. — Моя госпожа держит их в качестве охраны.

— Охраны? — фыркнула Коко, доставая из плаща собственный нож. Андре оскалился. — С каких это пор подглядывание зовется охраной?

— Если нам становится неуютно с клиентом, стоит лишь дважды постучать, и эти славные господа немедленно вмешаются. — Бабетта лениво указала на портреты ногой, обнажив бледную, испещренную шрамами лодыжку. — Это двери, *mon amour*. Немедленный доступ, миг — и ты внутри.

Мадам Лабелль — круглая дура. Лишь этим можно было объяснить подобную... что уж тут, дурасть.

Андре и Грю, наиглупейшие воры из всех, кого я знала, регулярно посягали на нашу территорию на Восточной стороне города. Куда мы бы ни шли, они следовали за нами по пятам, а за ними же, в свою очередь, констебли. Этим двоим — огромным, уродливым и шумным амбалам — недоставало неуловимости и навыков, необходимых для безбедной жизни на Восточной стороне. И мозгов тоже не хватало.

Я и думать боялась, что могли натворить Андре и Грю, имея «немедленный доступ» к чему бы то ни было. Особенно если дело касалось насилия и секса. А ведь в этом борделе наверняка проворачивали немало темных дел, если судить по встрече, ради которой мы сюда явились.

— Не стоит волноваться. — Будто прочтя мои мысли, Бабетта одарила Андре и Грю тенью улыбки. — Моя госпожа прикончит их на месте, если им вздумается сболтнуть кому-нибудь лишнего. Не правда ли, *messieurs*?

Ухмылки Андре и Грю растаяли, и только теперь я заметила синяки под их глазами. Нож я, однако, опускать не спешила.

— А что же помешает им сболтнуть лишнего *твоей госпоже*?

— Ну... — Бабетта встала, прошла мимо нас и направилась к портрету дальше по коридору. Затем потянулась к маленькой золотой кнопке рядом

с ним. — Полагаю, это зависит от того, что вы готовы им предложить.

— Могу запросто предложить вспороть вам троим...

— Тихо-тихо! — Стоило мне шагнуть вперед с ножом, как Бабетта нажала кнопку, и затворки на портрете куртизанки открылись. Послышались приглушенные голоса мадам Лабелль и Трамбле.

— Поразмысли хорошенько, *mon amour*, — шепнула Бабетта. — Возможно, твое драгоценное колечко прямо сейчас в соседней комнате. Иди сюда, погляди сама. — Она отошла, все еще нажимая пальцем кнопку, и позволила мне встать перед портретом.

Чертыхнувшись, я поднялась на цыпочки и заглянула в глаза куртизанки.

Трамбле бродил по роскошному ковру с цветочным узором. В этой пастельной комнате, где утреннее солнце озаряло все нежным золотым светом, он казался бледнее обычного. На лбу у Трамбле проступил пот. Нервно облизнув губы, он оглянулся на мадам Лабелль, которая устроилась на диванчике у дверей и наблюдала за ним. Даже сидела она как королева — вытянув шею и сложив руки перед собой.

— Прошу вас, мсье Трамбле, успокойтесь. Уверю вас, за неделю я добуду все необходимые средства. В крайнем случае — за две недели.

Он резко качнул головой.

— Слишком долго.

— Напротив, многие согласились бы, что этот срок ничтожен, учитывая, сколько денег вы запросили. Только король может позволить себе столь астрономическую сумму, а ему волшебные кольца без надобности.

Чувствуя, как колотится в груди сердце, я отстранилась от глазка и посмотрела на Коко. Она нахмурилась и достала из плаща еще монет. Андре с Грю прикарманили их, самодовольно ухмыльнувшись.

Пообещав себе освежевать их заживо после того, как украду кольцо, я снова заглянула в комнату.

— А... А если я скажу, что, помимо вас, у меня есть и другой покупатель? — спросил Трамбле.

— В таком случае я назову вас лжецом, мсье Трамбле. Вряд ли вы стали бы и дальше хвалиться своими товарами после несчастья, которое постигло вашу дочь.

Трамбле резко обернулся к ней.

— Не смейте говорить о моей дочери.

Мадам Лабелль пригладила юбки и не обратила на его слова ни малейшего внимания.

— Признаться, я весьма удивлена тем, что вы так и не покинули черный рынок магических артефактов. У вас ведь есть и другая дочь, верно?

Когда Трамбле не ответил, она усмехнулась жестоко и торжествующе.

— Ведьмы — зловредные создания. Если они узнают, что кольцо у вас, их гнев будет велик, а судьба остальной вашей семьи... прискорбна.

Побагровев, Трамбле шагнул к ней.

— Мне не нравятся ваши намеки.

— Возможно, угрозы вам понравятся больше, monsieur. Не стоит меня сердить, или же это станет последним, что вы успеете сделать в жизни.

подавив смешок, я снова посмотрела на Коко. Она уже попросту тряслась от беззвучного хохота. Бабетта сердито уставилась на нас. Что там волшебные кольца! Возможно, сама эта беседа стоила сорока крон. Даже театр бледнел на фоне такой мелодрамы.

— Итак, скажите мне, — промурлыкала мадам Лабелль. — Есть ли у вас другой покупатель?

— Putain*. — Несколько долгих секунд Трамбле сверлил ее взглядом, а затем неохотно покачал головой. — Нет, другого покупателя у меня нет. Я несколько месяцев потратил на то, чтобы оборвать все связи с прежними партнерами и опустошить склад, но это кольцо... — Он тяжело сглотнул, и весь его пыл разом угас. — Я боюсь говорить о нем людям. Как бы демоны не прознали, что оно у меня.

— Неразумно для вас было вообще торговать тем, что принадлежит им.

Трамбле не ответил. Его взгляд был рассеянным, тревожным — будто он видел нечто, чего не видели мы. У меня почему-то сжалось горло. Мадам Лабелль же не обращала внимания на муки Трамбле и беспощадно продолжала.

* Блядь (фр.).

— Если бы вы не стали этого делать, возможно, дорогая Филиппа все еще была бы с нами...

Услышав имя дочери, Трамбле снова резко обернулся к мадам Лабелль, и тревога в его глазах сменилась яростной решимостью.

— За то, что демоны сотворили с Филиппой, они будут гореть на костре, и я полюбуюсь на это.

— Как наивно с вашей стороны так считать.

— Прошу прощения?

— Я стремлюсь всегда быть в курсе дел моих врагов, *monsieur*. — Мадам Лабелль грациозно поднялась, и Трамбле отступил на полшага. — Поскольку теперь это и ваши враги тоже, позвольте дать вам совет: вмешиваться в дела ведьм — опасно. Забудьте о мести. Забудьте обо всем, что успели узнать о мире теней и колдовства. С этими женщинами вам не совладать, ни за что и никогда. Смерть — самая милосердная кара, которую они могут подарить вам, и даже ее еще придется заслужить. Казалось бы, судьба дорогой Филиппы должна была научить вас этому.

Трамбле скривил губы, встал в полный рост — но мадам Лабелль все равно оказалась выше — и зашипел:

— В-вы... вы переходите черту.

Мадам Лабелль не отстранилась от него. Вместо этого она совершенно невозмутимо провела рукой по лифу платья и вытащила из складок юбки веер. Внутри него блеснул нож.

— Как вижу, обмен любезностями окончен. Что ж, перейдем к делу. — Одним легким жестом